

К ИСТОРИИ РИМСКОГО КАТОЛИЦИЗМА В РОССИИ

(Тираспольская или Саратовская латинская епархия)¹

С издавна Русское государство слывет в Европе не веротерпимым. Живущие у нас иноверцы и, главным образом, римско-католики не только не опровергают столь несправедливого мнения, но, напротив, поддерживают его и даже подбирают разные нелепые и измышленные доказательства о мнимых гонениях, возводимых будто бы у нас на лиц, не принадлежащих к православной церкви, о насильственных яко бы обращениях иноверцев в православие и т. п. В этом направлении особенное старание прилагали и прилагают наши привислинские братья-славяне, как бы в отмщение за утрату ими собственного автономического строя.

Господствующая в России вера православная, сохранившая в своих догматах и канонах свой апостольский первообраз, совершенно чуждый прозелитизма, действует в духе христианской любви и свободы по точному смыслу учения Христова. Доказательством служит отсутствие у нас миссионерских учреждений с специальною целью обращения в православие инославных христиан и многочисленные примеры уважения со стороны нашего духовенства к иноверчеству. Правительство, действуя в том же направлении, никого не стесняет и не преследует за веру. Стоит указать на допущение свободного отправления богослужения для всех решительно исповеданий и верований, не исключая языческих. Русский народ... но какая же нация может похвалиться таким благодушием и снисходительностью, какими отличаемся в этом отношении мы, россияне, и нужны ли и для этого доказательства?

Но одним из существеннейших доводов, свидетельствующих о нашей веротерпимости, может послужить еще не занесенная в летописные страницы история римско-католической епархии, известной под названием Тираспольской. Вот материалы для этой истории.

До 1847 года в России, не считая Привислинского края, было шесть римско-католических епархий: Могилевская, Виленская, Тельшевская, Минская, Луцко-Житомирская и Каменецкая.

По условию, заключенному в Риме 22-го июля (3-го августа) 1847 г. уполномоченными от русского двора — графом Д. Блудовым и А. Бутеневым и от римского папы — кардиналом Ламбускини, образована новая седьмая епархия — Херсонская, заключающая в себе область Бессарабскую,

---

¹ Приносим глубокую благодарность П.Н. Батюшкову за разрешение воспользоваться принадлежащими ему бумагами, послужившими материалом для настоящей статьи. — М. Г.

губернии Херсонскую, Екатеринославскую, Саратовскую, Таврическую и Астраханскую и земли, составляющие Закавказский край, с назначением в городе Саратове особого суффрагана (викарного епископа). После подписания и утверждения сего условия, по особому с римским двором соглашению, постановлено, что в епархии Херсонской, вместо одного, должно быть два суффрагана.

Поводом к посылке графа Блудова в Рим послужила возникшая там тревога по случаю воссоединения, в 1839 году, западно-русских униатов с православной церковью. В бытность свою, в 1840 году, в Риме государь Николай Павлович, при свидании с папой Григорием XVI, обещал ему начать с ним переговоры с целью заключения конкордата об обеспечении римско-католиков в России. С Блудовым был послан в Рим сенатор Губе, ультра-католик и поляк-патриот. Губе и был главным руководителем переговоров с Римом.

Вслед за договором 1847 года, папа Пий IX издал буллу от 5-го июля 1848 г. В ней римский владыка прежде всего выражает свою заботливость, во имя «отеческой любви ко всем христианам, где бы они ни обретались», «о пользе святой нашей веры и духовном благоденствии верующих, даже в отдаленнейших от сей святейшей столицы странах». Эту заботливость папа обратил и «на обширнейшие государства Российской империи, где проповедники слова Божия, посылаемые и латинскую церковь, обречшись с непоколебимым мужеством и постоянством на величайшие труды и опасности, или стяжав даже торжественную корону мучеников, еще в самые древнейшие времена, первые объявили и распространили спасительную Христову веру и истощили все усилия к тому, чтобы погруженные во мраке заблуждений народы озарить светом католической истины...»² (Нами) «положено: существующие уже в Российской империи помянутые шесть латинского исповедания епархий разграничить новыми пределами и основать новое епископство в городе Херсоне с двумя суффраганствами, с тою целью, дабы епископы в преобширных странах сих легче и удобнее могли пещись о душеспасении паствы своей... Вместе с сим мы заблагорассудили, чтобы город Херсон, главный город Херсонской губернии, у Черного моря лежащий, украшен был епископским достоинством, как по уважению благоприятности местоположения оного, так и по плодородию почвы, многолюдности, удобству морской гавани, по множеству и изящности зданий и по другим обстоятельствам, поставляющим его по всей справедливости в число знаменитейших городов, лежащих на берегу Черного

---

² По этой цитате выходит, что Россия озарена верой Христовой трудами латинских патеров! М. Г.

моря. Вследствие сего, по собственному побуждению (*motu proprio*), на основании точных сведений и апостолического нашего полновластия, в силу настоящей грамоты, возвышаем помянутый город Херсон на степень епископской столицы и присвоаем ему все вообще и особенные права, почести, привилегии, преимущества и индульты (*indulti*), коими обычно пользуются прочие в Российской империи канонически учрежденные епископские церкви...» «Мы не можем удержаться от того, чтобы еще и еще не повторить начальнику херсонской церкви, чтобы он каждый раз, как того потребует нужда его паствы, рассылал по всей епархии священников, которые, исполняя обязанности миссионеров, могли бы доставлять католикам все духовные пособия. Что впрочем для сего же начальника тем удобоисполнительнее, что таковых священников уже постановлено содержать на счет правительства»³.

Вот все, что мы нашли в обширной булле Пия IX в объяснение цели учреждения новой латинской кафедры в России. Не считая общей и весьма растяжимой потребности в попечении и заботливости «о душеспасении паствы», нельзя не заключить, что главнейшая обязанность нового латинского епископа, согласно папской буллы, должна состоять в пропаганде римского католицизма. Это проглядывает и в начальных фразах буллы об «отеческом» попечении «о всех христианах» и о благоденствии «верующих» самых отдаленных стран; этим объясняется несогласное с историей указание на первоначальную проповедь латинских патеров среди русских; с этою же целью, мимоходом, но уже в выражениях, не допускающих сомнения, настоятельно подтверждается необходимость рассылки «миссионеров», благо содержать их будет русская казна.

Император Николай I, по своей дальновидности, вскоре однако понял истинное значение договора 1847 года и, признавая его вредным для русской православной церкви, повелел передать договор в Сенат на хранение, а назначенному на херсонскую латинскую кафедру епископу Гелан-Кану приказал быть членом римско-католической коллегии в Петербурге.

После кончины Николая Павловича дело открытия латинской епархии приняло другой оборот.

Следует заметить, что город Херсон, не смотря на «благоприятность местоположения» и «изящность зданий», оказался неудобным для помещения латинской епископии; по этому поводу было сделано сношение с римским двором, и папа согласился на то, чтобы пребывание епископа было в Тирасполе, уездном городе Херсонской губернии, причем

---

³ «Акты и грамоты об устройстве и управлении римско-католической церкви в империи Российской и царстве Польском», СПб. 1849 г.

самая епархия получила наименование Тираспольской. Но и здесь встретилось затруднение: в Тирасполе не оказалось ни костела, ни помещений для епископа, капитула, консистории и семинарии; а постройка соответственных для того зданий не могла быть произведена на счет казны по тогдашним военным обстоятельствам. Сторонники папизма вышли из этого затруднения с полным торжеством. Они устроили так, что по всеподданнейшему докладу министров внутренних дел и государственных имуществ 11-го февраля 1856 г. открыта была временно в городе Саратове семинария для Тираспольской римско-католической епархии, а вслед затем, по высочайше утвержденному 3-го марта 1856 г. журналу комитета по делам римско-католической церкви, тираспольскому епископу и епархиальному управлению назначено пребывать, на первый раз, в городе Саратове с обращением тамошнего костела, также временно, в кафедральную церковь.

Появление латинского епископа с консисторским и семинарским штатами в русской приволжской губернии, заселенной сплошь православными с примесью старообрядцев и раскольников, сразу обратило на себя внимание русского общества. Чтобы ближе выяснить дело, в 1857 году был командирован в Саратов вице-директор департамента духовных дел иностранных исповеданий П.Н. Батюшков⁴, который исследовал вопрос во всей его полноте.

Признаем безусловно необходимым привести целиком результат этого исследования по черновой записке, сохранившейся в домашнем архиве П.Н. Батюшкова. Необходимость эта вытекает, кроме возможно точного выяснения сущности дела, еще из того положения, что подлинная записка, представленная в свое время по начальству, в числе других дел министерства внутренних дел, сгорела во время пожара в мае 1862 года.

Вот что писал П.Н. Батюшков графу С.С. Ланскому.

«Цель существования кафедр римско-католических епископов, с их административными и учебными учреждениями, в русском православном царстве должна быть не в чем ином, как только в том, дабы удовлетворять религиозным потребностям и нуждам живущих в России римско-католиков. Все, что было бы допущено далее или выше этой цели и сверх удовлетворения этих нужд клонилось бы прямым или косвенным способом к успехам распространения, утверждения и благопроцветания папизма в Русском православном царстве и, по мере сих успехов, к ослаблению и вреду господствующей в нем веры православной.

«Соображаясь с означенною целью, решительно надлежит утверждать, что для самого папизма, если он не хочет ставить

---

⁴ Ныне действительные тайный советник, почетный опекун.

себя в противоборство с пользою православной церкви и видами русского правительства, никакой не было и нет нужды в утверждении и существовании в Саратове кафедры латинского епископа с полною ее администрацией и семинарией. Принимая в расчет большинство римско-католического населения других южных губерний (составляющих Тираспольскую епископию), — Саратов и Саратовскую губернию можно считать пограничным местом в отношении к этому большинству населения и притом таким местом, которое, судя сравнительно, весьма мало населено римско-католиками и наполнено народом греко-русского исповедания. Римско-католический епископ, носящий титул Тираспольского, живя в отдаленном от римско-католического населения Саратове, — может ли он не затруднить сам себя и свою администрацию в удовлетворении духовным нуждам обширной своей паствы, растянутой от Приволжья, где сам обитает, до Каспийского моря и от Каспийского до Черного моря на пространстве нескольких губерний? Какая настоит ему нужда, оставив центральные места своей епархии, иметь свою резиденцию в Саратове, когда здешняя паства его, сосредоточенная почти вся (до 20 000 обоого пола) в одном Камышинском уезде, легко может быть управляема несколькими ксендзами?

«Но дух папизма не будет конечно даром, а тем менее со вредом для себя оставлять свои центральные места и строиться на периферии. Чего же он хочет достигнуть чрез такое стремление? Очевидно желает он образовать новые для себя центры там, где были доселе его оконечности. Такое стремление католицизма к расширению своих пределов без сомнения будет соответствовать сокровенным его видам и целям; но оно явно будет идти вопреки видам правительства и пользам церкви православной. Так, а не иначе надобно понимать скрытные намерения и умышленное желание католиков утвердить центральное управление епископской власти на краю оседлости католического населения, среди народа издревле исповедующего греко-русскую веру (в Саратове). Судя по тому значению, какое Саратов уже и ныне имеет в народной жизни и деятельности и особенно какое будет иметь впоследствии с открытием железной дороги, этот многолюднейший из губернских городов может служить для папизма важным, весьма удобным, так сказать, операционным пунктом для распространения скрытых сетей латинской пропаганды по распространению и проникновению папизма туда, где не было доселе ни малейшего его влияния и духа.

«По местным условиям Саратовского края, учреждение здесь кафедры римско-католического епископа, с духовною его администрацией, сколько представляется безвыгодным для самого римского католицизма (как выше было сказано),

столько же положительно вредно для православия здешнего края.

«В этом убеждают следующие опыты и соображения:

а) По малочисленности в Саратове римско-католиков, деятельность их епископа и окружающих его духовных лиц естественно сосредоточивается в кругу православных жителей г. Саратова и, на первый раз, преимущественно в кругу видных в здешнем обществе лиц из сословия дворянского и служащего в присутственных местах. Со времени открытия в Саратове кафедры латинского епископа едва исполнился только один год, а знакомство как самого епископа, так и составляющих его курию лиц до того уже скрепилось с некоторыми православными семействами саратовских чиновников и дворян, что латинцы по вере сделались в этих семействах, можно сказать, людьми домашними. Причиной такого опасного и вредного для православия сближения со стороны латинян — навязчивое и крайне льстивое их обращение с людьми, соединенное с хитрым искусством вкрадываться в расположение тех, с кем они обращаются, а со стороны православных — русское простодушие и гостеприимство, которые нисколько не предохраняются опасением того вреда для их веры, какой может произойти из тесного сближения с людьми иноверного исповедания. Если и теперь успело католическое духовенство завязать столь тесное знакомство с русскими семействами в Саратове, то каких плодов надобно ожидать от такого сближения впоследствии времени, если принять во внимание, кроме сказанного простодушия и гостеприимства русских дворян, их религиозную простоту, т. е. их неведение правоты своей православной веры и заблуждений папизма, их религиозный индифферентизм и холодность к святой вере отцов своих, их неуважение и даже явное пренебрежение в уставах своей православной церкви, не делающей той поправки для человеческой чувственности, которую позволяет папизм, унижающий себя иногда до угождения страстям человеческим?

б) Если не все, то большая часть из саратовских чиновников и дворян (полагаю и не саратовских только), при означенных религиозных недостатках, носят только имя чад православной церкви, а по жизни, несообразной с уставами церкви, суть латинцы, какими и называет их простой народ, и особенно так называют наших дворян ревнители старообрядства. Смотри с этой точки на тесное сближение римско-католического духовенства с саратовскими дворянами и чиновниками, нельзя не видеть, что это сближение служит явным поводом к пагубному соблазну для саратовских купцов и мещан и вообще для всего простого народа, живущего в окрестностях Саратова, а в особенности для явных раскольников и людей, скрытно преданных расколу,

которыми наполнены не только эти окрестности, но и вся Саратовская губерния. А этот соблазн и предрассудок старообрядчества, утверждая его в ложном мнении об отступлении будто бы русской церкви от древнего православия, вооружая его против православия, нарушаемого в ее уставах высшими сословиями, служит для православного духовенства непреодолимую преградою к успешному содействию в деле обращения заблудших чад церкви из среды низших сословий. Сего мало: с сердечною скорбью должно сказать, что соблазн, производимый сближением римско-католического духовенства с саратовским православным обществом, может еще усиливаться в людях, немощных совестью, при виде невольных и неизбежных встреч духовенства православного с римско-католическим. Внешнее, одно только внешнее сообщение православного священника, а тем паче епископа с ксендзом или латинским епископом не подаст ли повода грубому раскольнику заподозрить и самое духовенство православное в содружестве с латинским, опасном для православия? Может ли не соблазниться старообрядец, когда увидит смиренного православного епископа сидящим об руку с гордым латинским, положим, за обеденным столом у начальства губернии в высокаторжественный день?⁵

в) Кроме зла, заключающегося в самом соблазне, от которого, по слову Христа Спасителя, горе миру, отсюда проистекает то вредное следствие, что этот соблазн, укореняя в раскольниках предрассудки и заблуждения касательно уклонения будто бы церкви Христовой от древнего православия и отступлении будто бы от нее благодати Божией, служит для православного духовенства непреодолимую преградою к успешному действию в деле обращения заблудших чад церкви в недра православия. Старообрядцы всегда будут указывать на тесное общение православных с латинами как на живой пример уклонения первых на сторону последних. И как исправить такой взгляд старообрядцев на сближение русских православных с папистами, когда он будет утверждаться на видимом опыте уклонение высших наших сословий от уставов православной церкви?

г) Непосредственного сближения римско-католического духовенства с купеческим и мещанским сословиями (подобно как с дворянами и чиновниками) в Саратове еще не замечается. Но уже открывался случай к такому сближению,

---

⁵ Автор «Записки» передавал нам, что православный епископ саратовский получал в то время около 800 руб., а латинскому епископу отпускалось до 6.000 руб. в год. Нашему епископу не на что было приобрести соответственного экипажа и он довольствовался чем-то в роде тарантаса, в то время как епископ Кан с триумфом разъезжал в богатом экипаже и при том с польскою упряжью. М. Г.

который в свое время предотвращен мерою довольно решительною и не совсем приятною для некоторых лиц (этот случай сообщен словесно). Никак нельзя, конечно, утверждать, что впредь не будут повторяться подобные случаи. Но хотя бы и не было особенных к тому случаев, можно ли ручаться, что иезуитская вкрадчивость латинского духовенства не проложит себе сначала тайных, потом и явных путей в семействах саратовских купцов и мещан, даже самих раскольников? Кому не известна та горестная, но опытом доказанная истина, что наши раскольники свободнее открывают себе доступы всякому разномыслящему с ними в вере, охотнее рассуждают о ней со всяким разноверцем, чем с православным проповедником истины, способнее привить к своим понятиям и усвоить всякую ложь от духа лестного, чем истину от обитающего в святой церкви Духа Христова? А вот дошло до моего слуха, что у саратовских раскольников уже идет толк, что римская церковь древнее русской. Происхождение этого толка мне неизвестно; но откуда бы он не возник, под влиянием латинства может иметь весьма вредные последствия. Нельзя при сем оставить без замечания и следующего обстоятельства: для помещения латинской семинарии нанимается дом купца Артамонова, братья которого закоренелые раскольники поморской секты, а сам он из этой секты обратился в единоверие, не столько, впрочем, по убеждению, сколько по коммерческим расчетам, и в душе остался больше поморцем, чем единоверцем. Судя по тому, что доселе он чуждается близкого общения с православными и особенно с лицами духовного звания, никак нельзя думать, чтобы он дом свой, в котором и сам живет, отдал в наем для помещения духовного православного училища, а между тем сдать его под квартиру латинской семинарии не воспротивило ему разноверие. Вот пример на вышесказанную истину, что раскольники к пагубе своей свободнее могут позволять себе общение с духовными лицами другого исповедания, чем православного. Была также попытка у одного саратовского купца, впрочем, православного, живущего возле квартиры римско-католического епископа, отдать своего сына для образования в латинскую семинарию, но эта попытка тотчас была остановлена духовною властью».

Записка П.Н. Батюшкова имела успех. Министр внутренних дел, граф С.С. Ланской, доложил ее государю и на всеподданнейшем докладе министра последовала высочайшая резолюция: «Сообразить немедленно о переводе тираспольского епископа из Саратова в Тирасполь, или другое место, которое окажется более удобным».

Обсуждая этот вопрос, граф С.С. Ланской нашел, что из всех местностей, в которые может быть перенесено тираспольское епархиальное управление, самым удобным представляется г. Тирасполь, находящийся вблизи

римско-католических колоний, и где чисто русское население в незначительном числе и нет православного архиерея. Кроме того, министр принял во внимание, что римский двор еще в 1856 году домогался оставить тираспольскую латинскую кафедру навсегда в Саратове; это желание по высочайшей воле было отклонено; для перемещения сей кафедры в другой какой-либо город, кроме Тирасполя, необходимо согласие папы, между тем перевод кафедры в Тирасполь может быть произведен административным порядком, в силу состоявшегося уже договора с папой. По докладе этих соображений государю, состоялось в августе 1858 г. высочайшее повеление: временно помещенное в г. Саратове тираспольское римско-католическое епархиальное управление перевести во всем его составе в г. Тирасполь; о чем в то же время было сообщено новороссийскому генерал-губернатору, графу А.Г. Строгонову, к исполнению.

Не можем не привести здесь еще одного документа, служащего достойной оценкой соображений, приведенных в записке П.Н. Батюшкова о тираспольской епархии. Записка эта была послана автором к графу Д.А. Толстому, который, занимая в то время пост директора канцелярии морского министерства, был уже достаточно знаком с иноверным вопросом в России по предшествовавшей должности вице-директора департамента духовных дел иностранных исповеданий и подготавливал тогда материалы для появившегося впоследствии замечательного исторического исследования своего: «Римский католицизм в России»⁶. Граф Толстой прислал автору записки следующий ответ:

«Честь вам и слава! Верьте, что со временем ваше дело будет оценено русскими. Если бы вы были дама, то расцеловал бы все ваши пальчики; теперь могу только сказать, что, по мере чтения этой записки, все более и более проникался уважением к вам. Вы поступили как честный человек; тогда как те, которые действовали наоборот, действовали как п..... Им нужно было угодить разным с..... Нессельроде и К°, которые при случае поддержали бы их. Позвольте вам дать совет: не ожидайте постройки зданий в Тирасполе, — в три года камарилья польская все переделает. Я бы вот что сделал: под предлогом объяснения с Каном⁷ по делам службы, вызвал бы его в Петербург, и уже отсюда ни за что не пустил (бы его) опять в Саратов, а отправил бы в Тирасполь, а за ним и всю

---

⁶ Сочинение это первоначально было издано в Париже, в 1863 и 1864 годах, на французском языке, а в 1876 году напечатано в Петербурге на русском языке.

⁷ Фердинанд Гелан-Кан – первый епископ Тираспольской латинской епархии.

прелатскую свиту. Не жалеете денег, только поскорее избавьте Саратов от Нессельроде-Хрущовского⁸ блудодеяния.

«Искренно уважающий вас Д. Толстой»⁹

13 сентября 1858 г.

Несмотря, однако, на категорическое высочайшее повеление о перенесении управления латинской епархии из Саратова в Тирасполь, местопребывание епископа и подведомственных ему учреждений было оставлено и остается до настоящей поры в Саратове.

Вслед за распоряжением о переводе латинской епископии в Тирасполь была назначена сумма в один миллион рублей для возведения в этом городе кафедрального костела и других зданий, а составление проекта построек было возложено на новороссийского генерал-губернатора; но граф А.Г. Строгонов представил обширный проект грандиозных зданий с сметой в три миллиона рублей! Сумма, на которую возможно было застроить чуть не целый город. Такой суммы в то время, конечно, наготове не оказалось.

Нам кажется, однако, что ужасающее впечатление, произведенное трехмиллионным проектом, значительно ослабело бы если бы смета была подвергнута строгой критике, а самый проект сооружений был низведен до степени действительной потребности. Во всяком случае, сколько бы ни стоили сооружения, государственные соображения и интересы православия должны бы были взять перевес над финансовыми расчетами. Наконец, заботливость о благолепии костела и излишествах в постройках возможно было предоставить самому епископу и его пастве, которая нашла же возможность соорудит (в 1880 году) своими средствами кафедральный костел в Саратове.

* * *

При чтении всего описанного, могут быть поставлены в упрек: неверное освещение цели римского двора в устройстве в России новой латинской епархии и бездоказательность и ошибочность опасений за существование такой епархии среди сплошного русского православного населения.

Ответим на это цифровыми данными.

По ведомости, доставленной епископом Каном в 1857 году, в Тираспольской епархии числилось прихожан обоего пола:

римско-католиков 103.473

армяно-католиков..... 11.808

всего ... 116.281

---

⁸ Д.П. Хрущов, директор департамента духовных дел иностранных исповеданий, впоследствии товарищ министра государственных имуществ.

⁹ Письмо это служит еще и еще одним доказательством высокого патриотизма недавно почившего русского деятеля на поприще государственной службы и науки. М. Г.

В 1888 году число прихожан возросло до следующих цифр:
римско-католиков 221.476
армяно-католиков 23.434

всего ... 244.910¹⁰

Оставляя в стороне численность прихожан армяно-католического исповедания, увеличившуюся вследствие присоединения к России некоторых местностей от Турции по берлинскому трактату, остановимся на числе собственно римско-католиков. Оказывается, что за 30 лет число это увеличилось на 118.003, т.е. на 46%! Такого увеличения от естественного прироста населения едва ли могло произойти, а об усиленном развитии колонизации римско-католиков в данной местности мы что-то не слышали. Откуда же такой рост?

Допустим, однако, что увеличение прихожан Тираспольской епархии не составляет результата миссионерской деятельности латинских патеров, той миссионерской деятельности, которая особенно рекомендовалась епископу в папской булле 1848 года, и произошло не за счет православного или старообрядческого населения. Но нельзя отрицать того, что такой рост не мог бы иметь места, если бы не было создано новой латинской епархии; нельзя отрицать того, что такое развитие латинского населения среди православного народа может послужить только ко вреду последнего и в ущерб государственным интересам. Частности нам показывают удивительные результаты учреждения в России латинской епархии. Местами в Тираспольской епархии число католиков увеличилось за 30 лет в 10 и более раз! (Ростов с 168 до 1.066 прихожан, Эйхвальд—с 400 до 4.073, Керчь— с 333 до 3230, Симферополь—с 336 до 4125). За то же время образовались новые римско-католические приходы (Либенталь в 2.720 душ, Николаевка в 2.045 душ и проч.). Сооружались каменные костелы даже для таких приходов, как Мариуполь, имеющий всего только 96 прихожан обоого пола. Усиливался наконец и личный состав латинского духовенства.¹¹

Желательно ли все это с точки зрения русских государственных, церковных и общественных интересов? Желательно ли вообще иметь и возможно ли выносить чуть не в центре России, среди сплошного православного населения,

---

¹⁰ «Directorium horarum canonicarum et sacrarum missarum ad usum Dioecesis Tiraspolensis. Saratoviae. 1888.»

¹¹ Число духовенства с 1857 по 1888 г. увеличилось не на особенно большую цифру — с 118 до 153-х; но если превышение в 35 лиц сопряжено с образованием такого же числа римско-католических приходов и тем именно и объясняется, то это явление принимает уже другой характер. М. Г.

латинское епархиальное управление с епископом во главе и подведомственными ему кафедральным капитулом, консисторией, семинарией и целым сонмом прелатов, каноников и миссионеров? Какие цифры прихожан будут занесены в саратовский «Directorium» еще через 30 лет? Еще до принятия св. Владимиром христианства римский папа навязывал русскому народу свою латинскую веру. Не утратил Рим и после того надежды на обращение русских в католичество: целый ряд посольств и предложений от римского владыки проходят чрез всю нашу древнюю и новую историю. Но никакие соблазны и обещания мнимых благ небесных и земных не побороли духовной твердости наших князей, царей и императоров. Каким же образом могла произойти уступка вековым стремлениям папства в 1847 году учреждением Тираспольской или, вернее, Саратовской епархии?

В России есть несколько губерний с сплошным иноверным населением. Что бы заговорили в Европе, если бы в одной из таких местностей была открыта православная епархия в удовлетворение религиозных нужд горсти живущих там русских? Мы действуем иначе. С поразительной осторожностью, чтобы не сказать более, мы действуем в деле религии там, где решительность и последовательность оправдывались бы правом хозяина. Прибужная полоса Подляшья, заселенная воссоединенными униатами, давно уже ожидает особого епископа православного; на Вольни, по границе с Австрией, среди православного населения, красуется без всякой надобности целый ряд костелов; древнейшие православные иконы (Островратская в Вильне и Ченстоховская), насильно захваченные католиками, свободно остаются у них. Мы опасаемся обидеть католиков закрытием какого-нибудь лишнего костела, но спокойно оставляем процветать и благоденствовать латинской епархии в Саратове в ущерб православию и при том на правительственные суммы¹².

М. Городецкий.

**Исторический вестник. Историко-литературный журнал.
Год десятый. СПб, 1889, т. XXXVIII, с. 122-134.**

---

¹² В 1857 году расходы по содержанию Тираспольской епархии в Саратове слагались из следующих статей: содержание епископа 4.480 р. и его суффрагана 2.000 р., на кафедральный костел 4.120 р., на консисторию 2.500 р., на семинарию и ее воспитанников 6.625 р., наем помещений для епископа, семинарии и всего епархиального управления 4.350 р., итого 24.075 р. в год. Во что обходилось содержание приходского духовенства Тираспольской епархии — сведений не имеем. М. Г.